

Научная статья

УДК 141

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-104-113

ЛОГИКА БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ И ПРИОРИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Пржиленский И. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: yesdreamer@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.09.2025

После доработки 14.10.2025

Принята к публикации 29.10.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть приоритеты национального целеполагания в парадигме больших вызовов.

Процедура и методы. Основными методами стали традиционный анализ научных фактов, собранных представителями разных социогуманитарных дисциплин, исследование источников, сравнительный анализ философских стратегий, приёмы логического анализа, методы научной абстракции и генерализации.

Результаты. Для развития философской теории общества важным является проведённая в работе сверка основных понятий и принципов. Вопреки традиционным представлениям в условиях глобальных кризисов и социальных потрясений, внешних экспансий и природных катастроф главным объектом большого вызова становится цивилизационная идентичность, сохранение которой является необходимым условием выживания и цивилизационного развития.

Теоретическая и/или практическая значимость. Констатация наступления нового исторического этапа в развитии социально-философской мысли, его анализ и обобщение имеют важное теоретическое значение в современности, а также дополняют картину взаимодействия техники и общества в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Ключевые слова: большой вызов, национальное развитие, приоритет, социальная система, техника.

Для цитирования:

Пржиленский И. В. Логика больших вызовов и приоритеты национального развития // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 104–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-104-113>.

Original research article

THE LOGIC OF GREAT CHALLENGES AND PRIORITIES FOR NATIONAL DEVELOPMENT

I. Przhilenskiy

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: yesdreamer@yandex.ru

Received by the editorial office 25.09.2025

Revised by the author 14.10.2025

Accepted for publication 29.10.2025

Abstract

Aim. To examine the priorities of national goal setting within the paradigm of great challenges.

Methodology. The primary methods used were traditional analysis of scientific facts collected by representatives of various social and humanitarian disciplines, source research, comparative analysis of philosophical strategies, logical analysis techniques, and methods of scientific abstraction and generalization.

Results. The review of fundamental concepts and principles conducted in this work is essential for the development of a philosophical theory of society. Civilizational identity becomes the primary focus of great challenges, the preservation of which is a necessary condition for survival and civilizational development, contrary to traditional notions in the context of global crises and social upheavals, external expansions, and natural disasters.

Research implications. The recognition of the advent of a new historical stage in the development of social and philosophical thought, its analysis, and generalization have significant theoretical significance in modern times and also complement the picture of the interaction between technology and society in the context of the transition to a new technological order.

Keywords: great challenges, national development, priority, social system, technology

For citation:

Przhilenskiy, I. V. (2026). The Logic of Great Challenges and Priorities for National Development. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 104–113. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-104-113>.

Введение

Изменения в общественных системах, связанные с цифровой революцией, затронули, так или иначе, все аспекты жизни социума на уровне как взаимодействия отдельных индивидов, так и больших групп и коллективов.

Подверглись трансформации режимы действия политических, хозяйственно-экономических, правовых и культурных институтов. Одной из основных задач, которую позволяет описывать и решать парадигма больших вызовов, является поиск качественно нового понимания взаимодействия между научно-технологической успешностью общества и способностью сохранения духовных ценностей и цивилизационной идентичности.

Понятие большого вызова в национальном целеполагании

Н. И. Лапин перечисляет некоторые большие вызовы, стоящие перед Россией. К числу последних автор причисляет сырьевую экономику, исчерпавшую возможности экономического роста, демографическую ситуацию, связанную со старением населения, рост экологических проблем,

давние диспропорции в социально-экономическом развитии территории страны. Эффективной стратегией, позволяющей найти достойный ответ на большие вызовы, он считает регионализацию инноваций. «Двухуровневая, общероссийско-региональная инновационная система должна стать динамичным институтом у регионов и всей России. Инновационные системы каждого региона должны учитывать информацию о состояниях, проблемах и достижениях модернизированности не только своего, но и других регионов, смежных и дальних, чтобы использовать их достижения для развития инновационных процессов в своих регионах и их эволюции до более высокого состояния» [1, с. 15–16]. Тем самым сеть инновационных систем регионов будет способствовать интегрированному саморазвитию всех регионов.

В другой своей публикации Н. И. Лапин увидел большой вызов российской цивилизации в сфере культуры, сформировавшейся в результате взаимодействия «всего российского населения со своим обществом и его государством». Авторитетный российский исследова-

тель охарактеризовал эту культуру как рутинную и симбиозно-травмогенную. Используя результаты многолетних социологических исследований возглавляемой им лаборатории, Н. И. Лапин делит российское общество на управленческие и исполнительские слои: первые фактически владеют тем, чем управляют, а вторые ограничиваются пассивно-рутинным исполнением поставленных задач. Результатами такой культуры, утверждает Н. И. Лапин, стали многие социокультурные травмы населения, общества, государства, которые «создавали и продолжают создавать опасные риски для существования России и угрозы для успешных её ответов на новые большие вызовы» [2, с. 10].

Таким образом, главной проблемой государства объявляется её гражданско-общественная культура, её рутинно-симбиозная травмогенность и противоречивость, что выражается в сложности прошлого, настоящего и будущего России. Н. И. Лапин утверждает желательность сохранения и повышения эффективности гражданско-общественной культуры, единства «собирающих её смыслов» и вместе с тем – вытеснение «полуаскриптивно-симбиозного, рутинно-травмогенного её содержания иным – инновационно-достижительным, свободно-компаративным» [2, с. 15].

В последнее время тема больших вызовов имеет сущностную связь с темой сложности. Действительно, если для решения проблемы и для реакции на угрозу недостаточно простого увеличения ресурсов, эта проблема может быть названа сложной. Именно так о больших вызовах предпочитают говорить зарубежные исследователи. Так, один из крупнейших в мире специалистов в области нелинейной динамики, теории самоорганизации сложных систем и искусственного интеллекта К. Майнцер анализирует большие вызовы, применяя средства и методы ещё недавно популярной в нашей стране синергетики. Его понимание сущности процесса глобализации характеризуется такими понятиями, как сложность, многокомпонентность,

многополярность. Участвующие в процессах глобализации общества и государства являются конгломератами разнообразных этноконфессиональных, культурно-ценностных, социально-психологических, политико-правовых и хозяйственно-экономических акторов, каждый из которых способен опираться на свою собственную систему целеполагания. Но множество разновекторных целеполаганий рождает различные динамики наций в критической точке неустойчивости. «Безусловно, – пишет К. Майнцер, – динамика глобализации является самым важным политическим вызовом сложности для будущего человечества. После падения Берлинской стены политики поверили в линейное предположение, что сочетание динамики свободных рынков и демократии автоматически приведёт к сообществу модернизированных, миролюбивых наций с законопослушными гражданами и потребителями. В сложном мире это было ужасной ошибкой! С нашей точки зрения, сложность ведома многокомпонентной динамикой» [3, с. 422]. В качестве методологического инструментария К. Майнцер прибегает к теории сложных динамических систем, согласно которой в условиях недоразвитости принципы свободного рынка лишь увеличивают диспропорции, создавая не только неустойчивость, но и деструкцию.

К математическому моделированию динамических систем необходимо относиться с некоторой поправкой на ограниченный характер их применимости. Так, теория самоорганизации, предложенная И. Р. Пригожиным, Р. Тома и другими теоретиками полвека назад, вряд ли может быть применена к эффективному анализу социальных процессов. Между тем, именно ею увлеклись советские учёные в 1980-е гг., когда в соответствии с пригожинской формулой возникновения порядка из хаоса [4] строились смелые прогнозы, не нуждающегося во внешнем управлении «саморазвития» общества. Результат такой «самоорганизации» хорошо известен, но это никак не повлияло на умы ведущих социальные преобразования управленцев.

Уже на обломках советского государства возобновились реформы, центральную роль в которых играла новая модель, в основу которой была положена «невидимая рука рынка».

Применение шоковой терапии также трудно назвать успешным, что позволяет поставить под сомнение применимость теории самоорганизации к разработке и реализации программ социально-политического или хозяйственно-экономического развития. Этим же объясняется утрата интереса к синергетике и её замене теорией сложности, где понятие большого вызова впервые используется как научный термин, а не как философская метафора.

Между тем и в теории сложности можно обнаружить следы формулы «порядка из хаоса». Так, разбираясь с вопросом о способности системы отвечать на вызов, К. Майнцер разделяет системы на консервативные и диссипативные. Консервативными являются стационарные закрытые системы, а диссипативными – стационарные открытые или неравновесные. Лишь диссипативные системы, т. е. открытые системы, оперирующие вдали от термодинамического равновесия, способны рождать новые порядки, в то время как консервативные при столкновении с достаточно большим вызовом не смогут найти на него адекватный ответ и будут разрушаться.

Для описания соответствующих моделей сложных диссипативных систем американский теоретик прибегает к таким образам, как «червоточина» и «космическая болезнь Альцгеймера». Он полагает, что во Вселенной действуют те же самые закономерности, что и в сознании, обществе, государстве. Более того, в свою очередь, прообразом и общества, и природы выступает человеческий организм. «Если наша Вселенная не одинока, а напротив, – пишет К. Майнцер, – вплетена во фрактальную мультивселенную вместе со многими другими испытывающими бифуркацию вселенными, то червоточины можно было бы использовать как пути спасения для бегства из состарившейся, теряющей энер-

гию вселенной, страдающей космической болезнью Альцгеймера и растущей враждебностью к жизни» [3, с. 102]. Несмотря на обилие формул и математических моделей, автор не может обойтись без метафор для объяснения того, как действуют закономерности рождения порядка из диссипативных систем. Но для подлинной научной эффективности всякая научная теория более нуждается в демонстрации своей предсказательной силы, чем в ярких и впечатляющих метафорах.

Ещё большее недоумение вызывает обращение к понятию вызова Е. Т. Гайдара, который в своей книге привёл пример из европейской истории. По мнению автора не очень успешных экономических реформ, вызовом может стать слишком успешное экономическое развитие. «Наиболее опасный вызов, с которым столкнулся европейский капитализм в своём развитии, исходил изнутри его самого. Он был связан с медленно накапливавшимися изменениями в XVIII–XIX веках, которые под влиянием технических открытий и социально-политических перемен внезапно резко ускорились. И непривычно бурный прогресс нёс в себе немалые опасности. Казалось, что европейский корабль сорвался с ясного курса, попал в шторм, что европейская история завертелась в гибельной “диалектической” ловушке» [5, с. 203–204]. Видимо, опасения слишком бурного экономического роста привели к уникальной ситуации, когда человек, отвечающий за развитие экономики, последовательно борется с возможным её развитием. Результатом данного теоретического убеждения и вызванного этим столь же теоретического опасения становится экономическая политика, результат проведения которой позднее назовут шоком без терапии.

Парадигма больших цивилизационных вызовов

В это же самое время, в первой половине девяностых, о вызовах активно размышлял и А. С. Панарин, фактически способствуя превращению данного слова в научное по-

нятие, явно находясь под влиянием концепции А. Тойнби, который рассматривал всю мировую историю как историю отдельных цивилизаций, чьё рождение, развитие и гибель ставились в зависимость от учения найти ответ на вызов. В терминах вызовов и ответов пытается осмыслить историю цивилизаций российский автор, точно улавливая различие между своей собственной оптикой и оптикой британского историка. Российский философ отмечает общепризнанную интерпретацию цивилизационного процесса как встречи «варваров» с цивилизацией, итогом которой становится вовлечение первых в орбиту цивилизационного влияния. «Наша модернизация, – пишет А. С. Панарин, – это изживание архаики, то и дело оборачивающейся внутренним варварством – грубо неадекватными реакциями на современный мир. Но эта же модернизация выступает как ответ на вызов со стороны динамичной западной цивилизации: предстоит либо достойно ответить на этот вызов, либо капитулировать, превратившись в периферию этой цивилизации» [6, с. 3].

А. С. Панарин в своём анализе исходит из того, что главным вызовом современной России является совокупность факторов, которые он называет общемировым сдвигом. Вызывают этот сдвиг глобализация и переход от индустриального общества к постиндустриальному. По мнению А. С. Панарина, особенностью ситуации является обусловленная глобализацией одновременность вызовов, провоцирующая необходимость синхронизации процессов. Ни одна страна и ни одна цивилизация не могут игнорировать задачи, рождаемые общемировым сдвигом. А. С. Панарин отчётливо осознаёт ошибочность тех, кто предлагает скопировать «вчерашний день более развитых обществ». Такое повторение противоречит достоинству российских граждан и природе современного человека вообще, утверждает российский философ. «История свидетельствует, – замечает А. С. Панарин, – что суперэтническая общность и её ценности – единство прав и непосредственная соотнесённость инди-

вида с большой культурой и традицией, не вырабатываются спонтанным образом из недр народного духа, а либо приходят извне, в обличье завоевателя, объединяющего локусы в империю, либо формируются для отпора грозным внешним вызовам» [6, с. 102].

Таким образом, можно сказать, что к понятию вызова отечественные философы, обществоведы и гуманитарии обратились уже в первой половине девяностых, обновляя традиционный для российской общественной мысли спор славянофилов и западников. Этот спор, не прекращавшийся и в советское время, уходит своими корнями в русскую историю и географию – евразийская страна за всё время не могла стать ни европейской, ни азиатской. И не случайно этот спор в XX в. перешёл из сферы религиозной и политической в плоскость цивилизационно-культурологическую. Приведённые выше цитаты Е. Т. Гайдара и А. С. Панарина, в каждой из которых содержится понятие вызова, демонстрируют две различные логики. Используя терминологию А. С. Панарина, первую можно назвать логикой атлантизма, тогда как вторую – логикой евразийства. Эти вызовы мыслятся как вызовы цивилизации, что автоматически заставляет относить их к сфере духовной жизни, идеалов и ценностей. Между тем, как свидетельствуют сами представители полемизирующих сторон, при обсуждении вопросов сохранения культуры, сбережения ценностей и духовных скреп каждый раз от наличия или отсутствия политической воли, решимости народа и готовности власти разговор неизбежно переходит к анализу ресурсов, ситуации в экономике и технологии. Дело в том, что именно технологическое отставание вкупе с отсутствием необходимых хозяйственно-экономических ресурсов может сделать недостаточными усилия государства и общества по защите традиционных ценностей и духовных идеалов.

Таким образом, вызов, с которым сталкивается государство и общество, может называться большим только в том случае, если его решение лежит в сфере технологии

или по крайней мере связано с данной сферой. При этом под технологией здесь понимается не только совокупность знаний и умений, необходимых для производства материальных вещей, устройств или приспособлений. Для успешного развития технологических возможностей необходимо опережающее развитие фундаментальной науки, а также социальных технологий. Технологический вызов – это и знание, и умение, и готовность, и способность, и желание достаточно большой группы людей ею овладеть при согласии и одобрении всего общества в целом. Истории известно немало случаев, когда овладению новыми технологиями препятствовали религиозные представления, ценностные установки, политические институты, нормы права или интересы влиятельных социальных групп. Таким образом, большой вызов – это вызов цивилизационный, и возникает данная категория в контексте обсуждения цивилизации как проекта или цивилизационного проекта. «Цивилизации и цивилизационные проекты также состоят из целого ряда таких включённых подсистем. Целые зоны возможного тематического расширения обнаруживаются, если включить в анализ набор категорий и сюжетов, очевидно и традиционно связанных с темой цивилизационных проектов: духовной и материальной составляющих цивилизации; идентичности и культуры; политики и идеологии, психоидеологии и национальных идей; стратегического планирования и управления развитием; модернизации и демодернизации, вызова и ответа, выбора и судьбы, витального цикла – расцвета и упадка, жизни и умирания...» [7, с. 141].

Из предыдущего анализа становится ясно, что большой технологический вызов – это явление цивилизационного масштаба. И ответ на него – это всегда освоение новых производств, основанное на разработке и внедрении новых когнитивных, образовательных и социальных технологий. Таким образом, большой технологический вызов не сводим ни к сфере техники, ни к области науки, ни к системам

общества или государства. Он оказывается местом пересечения всех названных перспектив. Отсюда и необходимость комплексного подхода как для установления причин, так и для поиска ответа на то, что мы квалифицируем как большой вызов.

Основные направления анализа больших вызовов

Председатель Совета по приоритету научно-технологического развития «Возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе с применением методов гуманитарных и социальных наук» академик РАН А. А. Дынкин опубликовал программную статью, посвящённую переориентации социально-гуманитарных исследований в соответствии с потребностью найти ответы на большие вызовы. По его мнению, традиционная логика развития фундаментальной науки здесь должна уступить новым ориентирам по причине собственной неспособности откликаться на реальные потребности общества, оказавшегося перед такими вызовами.

А. А. Дынкин предложил работу по шести направлениям, выбор которых опирался на выработанное возглавляемым им подразделением понимание логики больших вызовов и приоритетов. К числу этих направлений были отнесены:

- «анализ институциональных ограничений инновационной экономики; интеграция экономической, инновационной и научной политики;
- демографический переход и четвёртая промышленная революция: трансформация рынка труда и структуры занятости;
- парирование экологических проблем с помощью оптимизации взаимодействия человека и природы, человека и технологий;
- новые и традиционные внешние военные и невоенные угрозы национальной безопасности;

– международные этнополитические, трансграничные и вооружённые конфликты – актуальные и потенциальные;

– социальная и культурная безопасность – вызовы технологического развития, институциональные дисбалансы и кризис идентичности» [8, с. 14].

Ни одно из направлений, отражающее логику больших вызовов, не может быть отнесено по ведомству какой-либо из отраслей, выделенных на основании номенклатуры научных специальностей. Для решения проблем в каждом случае необходимо объединять усилия специалистов из самых разных областей: математиков и филологов, социологов и физиков, философов и экономистов [9].

А. А. Дынкин полагает, что на уровне личности в качестве большого вызова становится кризис идентичности. Причина кризиса идентичности состоит в особенностях социальной ситуации, обусловленной развитием экономики и технологий, но имеющей большое значение для внутреннего мира современного человека. В условиях социальной атомизации и формирования экономических отношений, основанных на экономике потребления, возникает и углубляется неопределённость личных жизненных перспектив. Ситуацию обостряет размывание ценностных ориентиров, переводящее отношение между личностью и обществом из функционального в дисфункциональное. Неустойчивые социальные связи, согласно А. А. Дынкину, актуализируют ситуативные, в том числе деструктивные групповые идентичности. Это источник угроз для социальной и культурной безопасности. Ответом является развитие форм гражданской самоорганизации и институтов обратной связи граждан и государства. В качестве такой формы выступает в том числе политика идентичности, «в которую должны быть вовлечены, помимо государства, наука и институты образования» [8, с. 16].

Но вернёмся к дисциплинарной сложности названных приоритетных направлений анализа, выделенных группой А. А. Дынкина. Первое направление сви-

детельствует об озабоченности институциональным строем российского общества, который, по мысли разработчиков, препятствует инновационному развитию российской экономики. Эта тема не может считаться новой – с самого начала 1990-х гг., когда институциональный порядок выстраивался практически с нуля, т. е. буквально на обломках институтов и структур разрушенного советского государства, этот самый порядок препятствовал проведению интегрированной политики в областях экономики, науки и инноваций. Стихийно возникшая диалектика запретов и разрешений оказывается тормозом для взаимодействия бизнес-структур с исследовательскими коллективами, с одной стороны, и исследовательских коллективов с инновационными предприятиями, – с другой. Здесь призывы к увеличению экономической свободы периодически сменяются жалобами на всё растущее стремление к тотальному регулированию и бесконечному аудиту. Поиски путей гармонизации системы запретов и системы разрешений должны продолжаться, ибо этот вызов представляется действительно большим и действительно технологическим [10]. Этот вызов касается стран, чья экономика и наука поставлена в условия догоняющей модернизации, но доставшиеся от советского прошлого научный и хозяйственный потенциал позволяют рассчитывать на прорывное развитие хотя бы в отдельных отраслях [11].

Второе направление так же сформулировано в терминах социально-экономических наук – демографии, экономики, управления производством. Этот вызов носит глобальный характер и затрагивает процессы, характерные для всех стран и всего населения планеты.

Демографический переход может считаться уже свершившимся для одних этноконфессиональных общностей, в то время как другие в процессе, а третьи ещё только на подходе к нему. В то же самое время выступающая и как причина, и как следствие четвёртая промышленная революция, знаменующая собой переход к новому эконо-

мическому укладу, прямо ставит безопасность и устойчивое развитие государства в зависимость от способности адаптироваться к новым явлениям вроде прекаризации труда и других изменениях в структуре занятости.

Следующую группу проблем – проблемы экологии – также можно назвать традиционной, как традиционными для более чем полувекковой истории планеты можно назвать разговоры об оптимизации взаимодействия человека и природы, а также человека и технологий. Но при всей традиционности экологических проблем в последнее десятилетие их видение существенно изменилось. Прежде всего в условиях сравнительно автономных хозяйственно-экономических комплексов проблемы экономики могли оставаться на национальном уровне. Более того, ранее это были проблемы сравнительно небольшого количества промышленно развитых стран, каждая из которых вполне могла принимать локальные меры и в одиночку добиваться зримого улучшения экологической ситуации. Теперь же, в условиях глобализации, изменилось многое.

Во-первых, субъектами индустриализации стали не национальные, а транснациональные компании, к которым добавились индустриальные предприятия стран с нерыночной экономикой. И первые, и вторые сделали проблематичной традиционную схему, когда под давлением избирателей законодатели и правительства добивались от промышленников заботы об окружающей среде. Во-вторых, наряду с постиндустриализацией Европы, Японии и США произошла индустриализация Китая, Индии и многих других густонаселённых стран, сделав вмешательство в природные порядки планеты значительно более масштабным. В результате экологические проблемы стали масштабными, т. е. глобальными – подключить к их решению необходимо все страны или, по крайней мере, большинство таковых. В-третьих, сравнительно недавно сфера экологических проблем превратилась в средство политических манипуляций: одни страны

под видом борьбы за сохранение природы навязывают другим выгодные им политические или хозяйственно-экономические решения. Всемирные фонды вроде Greenpeace, WWF-International и др. во главе с печально известной шведской экологической активисткой Гретой Тунберг создают у многочисленных обывателей иллюзию независимости от финансирующих их структур и одиночных персонажей, что позволяет последним блокировать одни и продвигать другие глобальные и национальные проекты.

Четвёртая и пятая группы проблем напрямую связаны со сферой компетентности силовых структур, таких как органы государственной безопасности, вооружённые силы, полиция и др. Выделяя в качестве особых направлений исследования новые и традиционные внешние военные и невоенные угрозы национальной безопасности, разработчики отчётливо осознают технологическое единство военных и невоенных, традиционных и новых средств воздействия на жизнедеятельность современных государств, способного представлять угрозу их целостности и независимости.

Следующим пунктом называется сходная по своей сути с предыдущей угроза государственной безопасности. Речь идёт о конфликтности тех или иных областей социальной жизни, будь то конфликты между государствами, этнополитическими силами или этноконфессиональными общностями. Разделение конфликтов на актуальные и потенциальные показывает, что исторически сложившаяся или обусловленная воздействием вновь появившихся факторов конфликтность в какой-либо точке мира нуждается в как можно более раннем выявлении и изучении.

Последнее направление, обозначенное как социальная и культурная безопасность, включает в себя три элемента: вызовы технологического развития, институциональные дисбалансы и кризис идентичности. Эти три элемента можно рассматривать как три части одного большого вызова, а можно выделить каждый из них в отдельный.

Заключение

О таящем в себе опасность воздействию технологического развития на общество и его культуру стало известно не сегодня. Но никогда ещё само технологическое развитие не было столь быстрым и интенсивным, а его воздействие на социокультурные системы не было столь непредсказуемым. Это дало основание утверждать об изменении самого характера связанной с ним угрозы.

Всё то же самое относится и к угрозам, связанным с ростом социального неравенства и новейшей его институционализацией – в условиях привлечения систем искусственного интеллекта и общей циф-

ровизации социальное неравенство стремительно дегуманизируется. А о кризисе идентичности, вызванном технологическим развитием, следует говорить отдельно – идентичность буквально стала объектом целенаправленного воздействия со стороны самых разных, в том числе и откровенно враждебных, центров политического действия. Искать ответы на эти вызовы, действительно являющиеся большими, следует не только в сфере традиционных управленческих решений – сам характер рождаемых ими угроз требует поиска новых как по форме, так и по содержанию ответов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапин Н. И. Большие вызовы новой России и развитие инновационных систем её регионов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 8–18. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-8-18.
2. Лапин Н. И. Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения) // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 5–16. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-5-16.
3. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 464 с.
4. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
5. Гайдар Е. Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. 336 с.
6. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФРАН, 1994. 262 с.
7. Рубцов А. В. Модели цивилизационного развития в контекстах универсального дискурса. Состав проекта, тематическая структура, каркас категорий // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 128–172. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-1-128-172.
8. Дынкин А. А. Социально-гуманитарное измерение ответов на большие вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 384–389. DOI: 10.31857/S0869-5873894384-389.
9. Пржиленский И. В. Национальное стратегическое планирование: культурные трансформации и большие вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15. № 2. С. 30–39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39.
10. Рождественская С. М., Клочков В. В. Парадигма «Больших вызовов» в системе стратегического планирования научно-технологического развития // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 12. Ч. 3. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 389–394.
11. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Большие вызовы XXI века // Инновации. 2020. № 2 (256). С. 3–13. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001.

REFERENCES

1. Lapin, N. I. (2017). The Great Challenges of the New Russia and the Development of Innovative Systems in Its Regions. In: *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 3 (3), 8–18. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-3-8-18 (in Russ.).
2. Lapin, N. I. (2021). Man, and the Interaction Culture with Society in the Past, Present, and Future of Russia (Continuing the Traditions of the Axial Generation). In: *Voprosy Filosofii*, 5, 5–16. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-5-16 (in Russ.).
3. Mainzer, K. (2009). *Thinking in Complexity: The Complex Dynamics of Matter, Mind and Mankind*.

- Moscow: LIBROKOM publ. (in Russ.).
4. Prigogine, I. R. & Stengers, I. (1986). *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
 5. Gaidar, E. T. (2009). *Power and Property: Times of Troubles and Institutions. State and Evolution*. St. Petersburg: Norma publ. (in Russ.).
 6. Panarin, A. S. (1994). *Russia in the Civilization Process (Between Atlanticism and Eurasianism)*. Moscow: IFRAS publ. (in Russ.).
 7. Rubtsov, A. V. (2021). Models of Civilizational Development in the Contexts of Universal Discourse. Project Composition, Thematic Structure, Framework of Categories. In: *Civilization Studies Review*, 3 (1), 128–172. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-1-128-172 (in Russ.).
 8. Dynkin, A. A. (2019). Social and Humanitarian Dimension of Responses to Great Challenges. In: *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 89 (4), 384–389. DOI: 10.31857/S0869-5873894384-389 (in Russ.).
 9. Przhilenskiy, I. V. (2025). National Strategic Planning: Cultural Transformations and Great Challenges. In: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 15 (2), 30–39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39 (in Russ.).
 10. Rozhdestvenskaya, S. M. & Klochkov, V. V. (2017). The Paradigm of “Great Challenges” in the System of Strategic Planning of Scientific and Technological Development. In: *Russia: Development Trends and Prospects. Iss. 2. Pt. 3*. Moscow: INION RAS publ., pp. 389–394 (in Russ.).
 11. Ivanov, V. V. & Malinetskiy, G. G. (2020). Great Challenges of the 21st Century. In: *Innovations*, 2 (256), 3–13. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пржиленский Игорь Владимирович (г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
ORCID: 0000-0001-6385-3762; e-mail: yesdreamer@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor Przhilenskiy (Moscow) – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
ORCID: 0000-0001-6385-3762; e-mail: yesdreamer@yandex.ru